

Владимир
БОНДАРЕНКО

г. Москва

Глава из новой книги,
готовящейся выйти в серии
«Жизнь замечательных людей»
издательства
«Молодая гвардия».

О «северном» Лермонтове
никто никогда не думал.
Тарханы, Кавказ, Москва.
Но именно на контрасте
с любимым Кавказом поэт,
тем не менее,
всегда ощущал
себя северянином.
О его восприятии Севера
и его северных стихах
пишет в этой главе
Владимир Бондаренко

«На севере
диком...»

Эта глава о необычном, северном Лермонтове. Как правило, с Русским Севером связывают таких поэтов, как Николай Клюев, Гавриил Державин, родившиеся в Вологде и Череповце Батюшков и Северянин. И уж никак не южного, кавказского Лермонтова. К тому же о чухломских корнях Лермонтова многие вообще не догадываются. Но, помимо Чухломы, поэт еще с юности был одержим легендами о новгородской вольнице. Проезжая из Москвы в Петербург, каждый раз любовался и рекой Волхов, и древними руинами. Довелось ему и послужить в древнем Новгороде, узнать его поближе. И потому для него была так близка сосна, дремавшая в снегу на голой вершине, и пальма, растущая на кавказском горючем утесе. К тому же именно в этот лермонтовский период тридцатых годов девятнадцатого века началось романтическое увлечение скандинавскими и финскими мифами и легендами.

Не прошел мимо финского увлечения и молодой Мишель Лермонтов. Вот так и возникла его чудная «Жена севера». Но вернемся сначала к его кратковременной новгородской службе, отмеченной им самим в поэзии разве что эпиграммой на белокурого немца Цейдлера. Все остальные так называемые «северные» стихи Михаила Лермонтова были написаны или раньше, в московско-петербургский период, или позже.

Высочайшим приказом от 11 октября 1837 года Михаил Лермонтов был переведен из места своей первой ссылки на Кавказ в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, стоявший в Новгороде. Как всегда, добирался Михаил Юрьевич неспешно, с заездом в Пятигорск, Ставрополь, Елисаветград, вероятно, в Тамбов, в родную Москву, в Петербург, и в полк прибыл лишь 25 февраля 1838 года. По сути, он и в первой ссылке на Кавказе как следует не успел побывать, всё восхищался его природой. То же случилось и со службой в Господине Великом Новгороде. По настоящему и не отслужил, добились перевода в столичный Петербург обожавшая его бабушка Елизавета Алексеевна. В Петербурге, куда он приехал по пути в Новгород, он уже был принят в литературном обществе, многие пожелали у себя на балах увидеть новую знаменитость. Великий Жуковский пригласил его к себе с новыми стихами, подарил ему экземпляр своей «Ундины» с автографом, был в восторге от «Тамбовской казначейши». Но к литературным кружкам поэт так и не приблизился, былой светской компании не стало, ближайший друг Святослав Раевский еще пребывал в ссылке в Петрозаводске. Вот куда бы

и заехать к нему в Петрозаводск Михаилу Лермонтову, ведь приглашал друг, как бы проездом в Новгород, жаль, поленился. В Петербурге чувствовал себя поэт предельно одиноким. Разве что писал стихи, трудился над очередной редакцией «Демона».

*Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной...*

Не рвался он и к месту службы в Новгород. Он пишет в одном письме своему дядюшке Павлу Петровичу: «Петербург, 1 февраля 1838 г. Любезный дядюшка Павел Иванович. Наконец, приехал в Петербург, после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых, всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний. Бабушка выздоровела от моего приезда и надеется, что со временем меня опять переведут в лейб-гусары; и теперь я еще здесь обмундирываюсь; но мне скоро грозит приятное путешествие в великий Новгород, ужасный Новгород...»

Вот в таком одиноком и пасмурном настроении прибыл поэт в давно уже его манящий «великий и ужасный» Господин Великий Новгород. Как всегда в жизни Лермонтова, с пребыванием его в Новгороде связана тоже некая двойственность. С одной стороны, с юных лет, с первых стихов для него Господин Великий Новгород был краем русской вольницы, свободной республикой, где жили его бунтующие герои, где славянский богатырь Вадим восставал против варяга Рурика. Ему было интересно осмотреть все места, связанные с давней новгородской вольницей. С другой стороны, он ехал служить в этот город в проклятый период аракчеевских поселений, как он сам писал, в «ужасный город». Его сослуживец А.И. Арнольди писал: «Дух Аракчеева, года за два-три перед тем скончавшегося, царил всецело над его созданием, и порядок, заведенный при нем, всё ещё сохранялся. Могли смело сказать, что для пользы службы лучшего места для стоянки полка и сыскать было трудно, и оттого, как мне кажется, служба во всех своих проявлениях нигде так исправно не шла, как в нашем полку, да и вообще в тех полках нашей дивизии, которые были расположены, подобно нам, в таких же казармах, тянувшихся по Волхову до Новгорода».

Как строевой офицер, Арнольди был прав, служак там жилось привольно, выполняй только

все приказы. Но для вольного поэта эта справная аракчеевская службистика казалась адом. Вот и спасала его лишь сама поэзия да история вольного Новгорода.

Согласно словарю иностранных слов, составленному в 1891 году, «лейб-гвардия – войско, охраняющее особу императора». Одна из этих элитных частей носила название «Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк». Созданный в 1824 году, по указу Александра Первого, лейб-гвардии Гродненский гусарский полк дислоцировался в Варшаве или в Новгородской губернии. Из 29 полков российской гвардии было только четыре, носившие имя городов: Московский, С.-Петербургский, Кексгольмский пехотные полки и Гродненский гусарский. Какое отношение полк имел к городу Гродно – неизвестно и военным историкам. Просуществовал полк до марта 1918 года, когда был расформирован по приказу Московского областного комиссариата по военным делам за № 236.

В полку служили отборные солдаты и «цвет» дворянской молодежи Российской империи.

Многие из них вошли в историю как военные, писатели, политики, деятели искусства.

Самым известным гродненским гусаром остался навсегда Михаил Юрьевич Лермонтов.

Лейб-гвардии Гродненский гусарский в то время дислоцировался в 145 верстах от столицы империи в местечке Селищи в знаменитых «селищских казармах». Сам Лермонтов прослужил в полку не так много, полтора месяца. О пребывании в гродненских гусарах великого русского поэта упоминается в мемуарах его сослуживцев А.И. Арнольди, М.И. Цейдлера, а также в переписке поэта и его современников. Прочитаем не спеша, в очередности, эти письма:

Из письма М.Ю. Лермонтова С.А. Раевскому: «...Наконец меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский гусарский полк, и если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли поселение веселее Грузии». Под поселением поэт имел в виду местечко Селищи Новгородской губернии, где дислоцировался полк и куда он так не хотел ехать.

«...Надобно сказать, что Гродненский полк, да и вообще 2-я кавалерийская дивизия в прошедшее царствование Николая, вероятно, по месту нашей стоянки, вдали от столицы и всех ее прелестей, считалась как бы местом ссылки или какого-то чистилища, так что Лермонтов – не единственное лицо из гвардейских шалунов, офицеров, прощенных за разные проступки и возвращае-

мых в гвардию, из перебивавших у нас в полку...» (из мемуаров А.И. Арнольди).

11 октября 1837 года по приказу Николая Первого М.Ю. Лермонтов переведен корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. К полку он прибыл лишь 26 февраля 1838 года. Явившись к командиру князю Багратиону-Имеретинскому, он получил назначение состоять в четвертом эскадроне и на другой день, 27-го числа, дежурил.

«...Лермонтов в то время не имел еще репутации увенчанного лаврами поэта, которую приобрел впоследствии и которая сложилась за ним благодаря достоинству его стиха, и мы, не предвидя в нем будущей славы России, смотрели на него совершенно равнодушно...» (из мемуаров А.И. Арнольди).

Поселился Лермонтов в так называемом «сумасшедшем доме».

«...сумасшедшим домом назывался правый крайний дом офицерских флигелей, потому что вмещал в себя до двадцати человек холостых офицеров, большей частью юных корнетов и поручиков, которые и вправду проводили время как лишенные рассудка и в число которых, само собою разумеется, попадал невольно всякий новоприбывший.

Легко себе представить, что творилось в двадцати квартирах двадцати юношей, недавно вырвавшихся на свободу...» (из мемуаров А.И. Арнольди).

Лермонтов жил на одной квартире с корнетом Краснокутским и, как рассказывают, исписал все стены стихами, которые долго сохранялись в таком виде, пока однажды в отсутствие полка какой-то инженер, ремонтировавший казармы, варварски не закрасил все эти бесценные автографы, и только на одном из подоконников оставалась долго вырезанная перочинным ножом фамилия поэта. В первый же вечер во время игры в карты М.Ю. Лермонтов проиграл братьям Безобразовым и А.И. Арнольди 800 рублей. Из селищевских казарм Лермонтов довольно часто отъезжал в Петербург. Один из его отъездов совпал с проводами поручика Михаила Цейдлера на Кавказ. Проводы состоялись на станции Спасская Полесь.

«..Веселому расположению духа способствовало то обстоятельство, что товарищ мой и душевный приятель Михаил Юрьевич Лермонтов, входя в гостиную, устроенную на станции, командовал содержателю ее... немедленно вставить в свободные подсвечники и пустые бутылки

свечи и осветить таким образом без исключения все окна...

Во время ужина тосты и пожелания сопровождались спичами и экспромтами. Один из них, сказанный нашим незабвенным поэтом Михаилом Юрьевичем, спустя долгое время потом ... попал даже в печать.

*Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной, сталью
Мысли юноши полны».*

(Из мемуаров М.И.Цейдлера)

Все это время службы в Новгороде неутомимая бабушка Лермонтова вела успешные хлопоты, ссылаясь на свой преклонный возраст и невозможность самой поехать к внуку в Селищи.

Как писал по просьбе бабушки граф Бенкендорф военному министру Чернышеву:

«...Родная бабка его, вдова гвардии поручика Арсеньева, огорченная невозможностью беспрерывно видеть его, ибо по старости своей она уже не в состоянии переехать в Новгород, осмеливается всеподданнейше повергнуть к стопам его Императорского Величества просьбу свою о ... переводе внука ее в лейб-гвардии гусарский полк, дабы она могла в глубокой старости (ей уже 80 лет) спокойно наслаждаться небольшим остатком жизни и внушать своему внуку правила чистой нравственности и преданность монарху...» И уже 9 апреля 1838 года Лермонтов был переведен в свой прежний лейб-гвардии гусарский полк. Насколько известно, за полуторамесячное пребывание в полку М.Ю. Лермонтов шесть раз дежурил по полку, два раза был в церковном параде.

Я воспользовался этой новгородской остановкой Лермонтова скорее для того, чтобы отметить все его ранние и поздние северные новгородские стихи. И потому, оказавшись с Михаилом Лермонтовым в северных новгородских местах, обратимся к такой непривычной для лермонтоведов теме: Лермонтов на Севере.

Традиционно все почитатели и знатоки Лермонтова тянутся к иным темам: Лермонтов и родная ему, любимая им Москва; Лермонтов и родные Тарханы; Лермонтов и величественный Кавказ; даже Лермонтов и нелюбимый им Петербург.

И вдруг: Лермонтов на Русском Севере. Конечно, если поискать все упоминания Лермонтовым слова «север», то их окажется достаточно много, но все они будут носить или чисто географическое определение места. (К примеру: «Спеша на север издалека, Из теплых и чужих сторон, Тебе, Казбек, о страж востока, Принес я, странник, свой поклон».) Какой уж тут Русский Север. Или же мы видим такое державное противопоставление России, как северного колосса.

*...Казбек огромный
Вестью той смущен,
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки.*

Возьмем всё же Север реальный, в рамках древней вечевого Новгородской республики. Еще до своих кавказских увлечений, до воспевания вольницы горских племен Михаил Лермонтов успел прочитать внимательно все исследования о древней истории Господина Великого Новгорода. И посвятил ему прекрасные стихи. С другой стороны, не будем забывать о том, что все древние русские корни рода Лермонтовых идут из чухломских мест, из костромского и вологодского севера. И воспитан он был на новгородских былинах. Да и горная Шотландия, страна его предков, была отнюдь не южной страной.

Может быть, поэтому одно из лучших ранних мистических его стихотворений посвящено мифам Севера и называется «Жена севера». Это раннее произведение Лермонтова, написано еще в 1829 году. В основе стихотворения лежит услышанная поэтом легенда о таинственной мистической владительнице Севера; взгляд этой колдуньи считался смертельным («Кто зрел ее, тот умирал»), и смотреть на нее могли только северные поэты, посвящавшие ей свои вдохновения. ...Она была источником массового поклонения у финнов, не случайно же «Финны дикие сыны Ей храмины сооружали...», то есть финны строили целые храмы, посвященные этой таинственной владительнице северных пространств. Наши специалисты по античности как-то легко «вы-

числили» предшественницу этой «жены севера». По их ученому мнению, героиня стихотворения, «дочь богов», подобна Диане, Церере и Прозерпине, в античной мифологии олицетворявшим луну. Диану, богиню целомудрия, нельзя было безнаказанно видеть простым смертным; Церере, культ которой сопрягался с ночными мистериями и таинствами, сооружали храмы; Прозерпине поклонялись «как дочери богов» Цереры и Юпитера. Об античных божествах подробно рассказывалось в руководствах по мифологии, которые вроде бы Мишель Лермонтов штудировал в детстве. Но тогда бы молодой Лермонтов и написал стихотворение, посвященное Диане или Прозерпине. Я не согласен с этой версией.

И всё-таки в финской зловещей богине есть нечто своё. Как считают нынешние историки: «О бытовании цереев на Севере Лермонтов должен был знать из обширной литературы на эту тему, обязательной для каждого культурного читателя эпохи романтизма. Улуф Далин сообщал, что древние скандинавы поклонялись «великому на небе светилу», луне; «таким образом, сия Урания, сия Астарте, сия Фригга, супруга Одена или Солнца, была самая та великая Дияна Ефеская, которой в Азии и во всем свете поклонялись; так же и древний жертвенник Фригги в Швеции именовался скифским в России называли ее Златою Бабою... У эстляндцев почиталась она за мать богов, а у древних финнов называлась золотая сия Баба Юмалою или небесною». Богослужение северное совершалось «без всякого великолепия и убранства. На севере по большей части отправлялось оно под открытым небом в рощах или на возвышенных местах и горах, где поставлялись амвоны каменные от востока к западу».

Почитаем же внимательно это, отнюдь не заимствованное у античности, стихотворение:

*Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.*

Неплохо знающий скандинавский и финский фольклор, я сразу смутился от такого смешения абсолютно разного по природе своей финно-

угорского и скандинавского фольклора. Но, насколько я понимаю, прежде всего Лермонтов в этом стихотворении обращается к Финнам, к их храминам. Значит, истоки «Жены севера» надо искать в древнем финском эпосе «Калевала». Там есть красавица Айно, но она не подходит под зловещую роль той, которой

*И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немим виденьем
Был строен их невнятный глас!*

От созерцания финской красавицы Айно никто не умирал. Скорее, Михаил Лермонтов воспользовался образом злой колдуньи Лоухи, которая и на самом деле смотрела на весь мир своими металлическими голубыми глазами. Или же, недостаточно в ту пору зная финский эпос, смешал водино в одном образе и красавицу Айно, и зловещую Лоухи. Также, от незнания, приплел поэт к финским богам и скандинавских скальдов. Простим его юношеское незнание.

Я уверен во влиянии финского мистического эпоса «Калевала» на написание стихотворения Лермонтова «Жена севера» еще и потому, что именно в этот период друг Александра Пушкина, декабрист Федор Глинка, был в ссылке в Карелии и именно в том же 1828 году познакомил читателей журнала «Славянин» с рунами финского эпоса. Тогда же Федор Глинка, прекрасный русский поэт, написал и свои две карельских поэмы: «Дева карельских лесов» и «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой». Даже само название поэмы Федора Глинки «Дева карельских лесов» перекликается с лермонтовской «Женой севера».

Неординарный талантливый человек, поэт, прозаик, публицист Федор Глинка был тесно знаком с Александром Сергеевичем Пушкиным. Знакомство состоялось вскоре после окончания Пушкиным лицея. Во время петрозаводской ссылки Глинка живо интересуется судьбой Пушкина, а в 1830 году посылает ему свою новую поэму «Карелия». К поэме поэт прилагает письмо

«отъ 17-го февраля»: «...Из глубины Карельских пустынь, – пишет он, – я посылал вам (через Дельвига) усердные поклоны. Часто, часто (живя только воспоминанием) припоминал я то приятнейшее время, когда пользовался удовольствием личных с вами свиданий, вашею беседою и, как мне казалось, приятною вашею, для меня драгоценною. И без вас мы, любящие вас, были с вами. В пиитическом уголке любезного П. А. Плетнева мы часто и с любовью об вас говорили, радовались возрастающей славе вашей и слушали живое стереотипное издание творений ваших – вашего любезного братца Льва Сергеевича... У меня есть ваш портрет. Только жаль, что вы в нем представлены с какою-то пасмурностью; нет той

веселости, которую я помню в лице вашем. Ужели это следствие печалей жизни? В таком случае молю жизнь, чтобы она, заняв все лучшее у Муз и Славы, утешала бы вас с таким же усердием, с каким я читаю ваши пленительные стихи». Поручая, в заключение, благосклонности Пушкина свою поэму, Глинка выражает надежду, что он заметит в «Карелии» «чувствования, незаметные другим или другими пренебрегаемые».

Именно в ссылке Федор Глинка перевел главы великого финского эпоса «Калевала» и сделал его достоянием всего мира. Именно исследования глубин народной мудрости привели к изучению отечественной истории времен Великой смуты. Конечно, «дочь природы» в изображении

Аксели Галлен-Каллела. «Лоухи нападает на защитников Сампо»

Михаила Лермонтова носит откровенно демонический характер, у Глинки в «Деве карельских лесов» она проста и наивна. Но переключка образов видна отчетливо. А что до злой финской колдуньи Лоухи, то и её растормошил наш русский ссыльный декабрист, публикуя первые главные руны из эпоса «Калевала». Пора нашим финским друзьям-филологам обратить внимание на эту связь между двумя произведениями русских поэтов и великим финским эпосом.

Финская культура воспринималась русскими поэтами начала XIX века (впрочем, и начала XX века тоже) как некий посредник между западной культурой и русской. Финские мифы усилили интерес многих поэтов, в том числе Батюшкова, Баратынского, Глинки, к далекому прошлому варяго-русского Севера. С точки зрения Федора Глинки, страны древнего Севера «справедливо могут наименоваться колыбелью свободы», где «никогда не раздавался обидный человечеству звук оков». В «Письмах русского офицера» Глинка восторженно отозвался о культуре свободной Исландии: «Маллет повествует, что многие норвежцы, не стерпя ига рабства, в правление одного из древних своих королей ушли на остров Исландию. Там-то, на самом краю северного мира, насадили они древо свободы, которое чрез долгое время зеленело в благоустроенной их республике. Все лучшие историки и поэты Севера родились в Исландии: свобода и музы водворили щастие на льдистых берегах ее. Поэзия рассыпала там цветы свои, и лиры скальдов воспевали героев, славу и любовь». Перед началом своей поэмы о Карелии Федор Глинка пишет: «В 18** году один из почтеннейших в сем крае (в Олонецкой губ.) чиновников, искусный стрелок, любя странствовать в диких местах (он, может быть, находил в них сходство со своим природным отечеством – горною Шотландию), проник однажды далее обыкновенного в лесистые окрестности города Петрозаводска, застрелил большую медведицу с двумя подростками и в чаще пустынного леса заметил следы постоянного жилища человека. В ту же ночь сделал обыск; лучи зажженной лучины осветили темноту бора, и открылось, что там, в местах необитаемых, действительно жил с давнего времени человек, уклонявшийся от преследования закона. Он был женат и уже в пустыне стал отцом 5-х детей. Все они жили в хижине, имели корову и некоторое хозяйственное обзаведение...»

Интересно, что это еще за горный шотландец находился в те годы в Карелии? Может быть,

дальний родственник рода Лермонтовых? Но вернемся к увлечению Финляндией русскими писателями.

Прочитаем поэму в прозе Батюшкова «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии» (1809). Все, по его мнению, ужасно в сей «бесплодной пустыне», в «сих пространных вертепах»: и лесные дебри, и дикие первобытные нравы местных жителей, и ужасный северный климат. В финских дебрях раздаются «резкий крик плотоядной птицы», «завывания волка, ищущего добычи», «рев источника, образованного снегом»; «сыны диких лесов», некогда здесь обитавшие, населяли «пещеры» и, конечно же, «полагали пределом блаженства... победу над врагом, из черепа которого (страшное воспоминание!) пили кровь, и славили свое могущество...»

Пройдет время, и увлеченный образами русского языческого прошлого уже великий русский поэт века XX Юрий Кузнецов напишет своё знаменитое: «Я пил из черепа отца...»

У Лермонтова тоже «скалы финские» – место «встречи» древнерусского «праздника Лады» («Два брата»), «дружин Днепра седой певец» – бард («Песнь барда», 1830). В поэме «Олег» (1829) наряду с картинами «языческой дубравы», «дуба высокого», битвы призраков и т. п. раздается «смелый глас» «скальдов северных», является русское божество («И шумно взволновались воды... Восстал в середине столб туманный... и вот Стрибог по озеру идет»), причем, как уточняют наши филологи, сам «владелец русского народа» в каноническом тексте – «варяг», а в вычеркнутых строках – «родом финн». Поэтому и жену севера скальды могли видеть как в условно-поэтической Финляндии, так и в лермонтовской горной Шотландии, тоже «полночной стране».

Ведьма Лоухи, совсем как лермонтовская «Жена севера», губит героев. Не согласен с теми из ученых, кто предполагает, что «центральный образ стихотворения «Жена севера» – прекрасная женщина с чертами демонизма, окруженная суеверной легендой, – навеян стихотворением Александра Пушкина – «Портрет». У Пушкина в стихотворении «Портрет» упоминаются «жены севера», но Пушкин имеет в виду чопорных петербургских красавиц, а у Лермонтова героиня – мифическая демоническая фигура. Какие уж тут сравнения! Про пушкинских жен севера написано: «О жёны Севера, меж вами...» – это его обращение к северным жёнам – к тому же холодному Петербургу. Никакой мистики, никаких загадочных северных сказаний.

Скажу честно, стихотворение Михаила Лермонтова «Жены севера» абсолютно независимо ни от чего, это одно из моих любимых лермонтовских стихотворений с юности, впрочем, как и остальные его северные стихи.

Северная поэзия Лермонтова похожа на древнюю статую, которую откопали в развалинах. Статуя прекрасная, совершенная, но совсем позабытая. Впрочем, как и сама история вечевой новгородской республики. Для демократов эта история чересчур русская, для патриотов чересчур центробежная, вольнолюбивая. Явная русскость торчит из всех углов его новгородских стихов. Он соединяет воедино свободолюбие и отчизнолюбие. Еще в том же 1830 году 3 октября он написал стихотворение «Новгород».

*Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!
Есть бедный град, там видели народы
Все то, к чему теперь ваш дух летит.*

Это не описание города, а скорее мечта Лермонтова о русской вольности. Не случайно философ Владимир Соловьев называл его первым ницшеанцем: «Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий... которое для краткости можно назвать «ницшеанством». Глубочайший смысл действительности Лермонтова освещается писаниями его ближайшего преемника Ницше». Но ницшеанец в нём явно славянского замеса. Остается удивляться, как он в свои шестнадцать-семнадцать лет так перепахивал и исторические характеры, и всю мировую литературу, занимствуя лишь то, что ему было необходимо, но придавая всему глубинный русский смысл. Читая эти новгородские стихи сегодня, думаешь, как ко времени и месту, как они необходимы всем нам. Или и на самом деле «Мужеством упали?».

Что такое его новгородская поэма «Последний сын вольности», как не песнь чистому славянству, которое еще в те древние времена угнеталось чуждыми русскому духу варягами? Дело другое, что и русские со своей вечной враждой между собой неизбежно обречены на поражение. Потому и позвали княжить в IX веке чуждого им варяга Рурика.

*Княжит Рурик в Новгороде,
В диких дебрях бродят юноши;
С ними есть один старик седой –
Он поет о родине святой.
Он поет о милой вольности!*

Душа славян мечтала о возврате вольности, но их мечты «презирал варяг-властитель; все их законы, все права, Казалось, он пренебрегал...». Рурик похищает невесту витязя Вадима и, обесчещенную, бросает на гибель. Вадим рвется в бой с варягом и тоже погибает. «Он пал в крови, и пал один – последний вольный славянин!» Увы, сколько столетий пролетело, сколько битв, сколько разных варягов на Русь ходило, и вновь повторяется старое. И всё так же забываются древние русские ценности. Может, поэтому о новгородских стихах Лермонтова так мало пишут. Еще вольность горцев можно поддержать, воспеть славу Мцыри, но когда Лермонтов пишет в поэме «Последний сын вольности» о забвении русского богатыря, как-то не любят это цитировать.

*Под ними спит последним сном,
С своим мечом, с своим щитом,
Забит славянскою страной,
Свободы витязь молодой.*

В «Последнем сыне вольности», где изображается и «великий», и «ужасный» Новгород, звучит упрек против иноземного ига. Гостомысл, умирая, обращается к «людям новгородским», во избежание внутренних раздоров, просить помощи со стороны: «Призовите князя чуждого, // Чтоб владел он краем Родины». Наказ послушно исполняется. Автор не соглашается с этим:

«Обманулись вы, сыны славян! Чей белеет стан над городом! Завтра, завтра дерзостный варяг Будет князем Новгорода, Завтра будете рабами вы!..» Лермонтову всегда было чуждо смирение. Он бунтовщик по натуре, не желающий и не умеющий сдерживать свои страсти. Он и в творчестве пишет как бы рывками, с налетающей на него стихией творчества, и вдруг божественный свет высокой поэзии освещает всё пространство мира. Прототипом главного героя поэмы послужил реальный герой из русской летописи Вадим Храбрый, защищавший независимость Новгорода и павший от руки Рурика. Вадим был для наших вольнодумцев девятнадцатого столетия символом борьбы за свободу и вольность.

Не все «с безнадежьем немим на стыд Отечества» глядят. Тридцать юношей во главе с Вадимом

мом и их спутником, «стариком седым», поющим о «родине святой», «о милой вольности», собираются сразиться с иноземцами. И все гибнут, и мир о них забывает. Помнит лишь поэт.

Считается, что аллюзионный, продекабристский характер поэмы усиливается тем, что ее действие происходит уже после гибели соратников Вадима; очевидны намеки на сосланных декабристов («Но есть поныне горсть людей, / В дичи лесов, в дичи степей; / Они, увидев падший гром, / Не перестали помышлять / В изгнание дальнем и глухом, / Как вольность пробудить опять; / Отчизны верные сыны / Еще надеждою полны...») И тогда центральными в поэме становятся строки, содержащие укор современникам, обвинение их в бездействии: «Ужель мы только будем петь / Иль с безнадежием немим / На стыд отечества глядеть...» Специалисты давно отметили использование поэтом исключительно мужских рифм (кроме вставной «Песни Ингелота», написанной белым стихом с преобладанием дактилических клаузул, весьма редких у раннего Лермонтова). Поэма «Последний сын вольности» датируется филологами второй половиной 1830 года – первой половиной 1831 года.

Михаил Лермонтов, как и все гении, противоречив и неодномерен. То его цитирует Владимир Путин, отрывок из боевого патристического стихотворения «Бородино»: «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали...» То его же цитируют самые крутые диссиденты: «Свободы, гения и славы палачи, таитесь вы под сению закона, пред вами суд и правда: всё молчи...» Вот и его северные, новгородские вольные стихи как бы позабыли. Но одно из них напи-

сано примерно в 1832 году прямо в Новгороде и связано с его познанием Севера. Приведу это стихотворение полностью:

*Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирав на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И сколько гордых душ увлек в свое паденье!..
– Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?*

Служил там колокол – вечевой колокол; в 1478 г. Иван III уничтожил в Новгороде вечевое управление, и колокол был снят. Но остался ли новгородский дух у северян? Не случайно же так популярна была нов-

городская тема в поэзии пушкинской поры. Заметна она и в поэзии Лермонтова. Ей посвящены такие стихи, как уже вышеупомянутые «Новгород» (1830), «Приветствую тебя, воинственных славян святая колыбель...» (1832), поэма «Последний сын вольности» (1831) и множество строк и фраз из самых различных стихотворений – «Песнь Барда», «Могила бойца», «Баллада» (1830) и других.

Подводя итоги северному периоду Михаила Лермонтова, такому же краткосрочному, как и его первая кавказская ссылка, я поневоле делал главный акцент на более ранних стихах, посвященных тому же Русскому Северу. И, естественно, хочу закончить северный цикл стихов, пусть

*Деталь памятника к 1000-летию России.
М.Лермонтов. Установлен в Новгороде*

написанных далеко от севера, но ставших несомненным символом северного Лермонтова, уже классическим стихотворением «На севере диком». Во-первых, это даже не оригинальное стихотворение Михаила Лермонтова, а перевод стихотворения великого немецкого поэта Генриха Гейне «Сосна», написанного гораздо раньше, в 1822 году. (Г. Гейне «Сосна стоит одиноко» («Ein Fichtenbaum steht einsam») из «Книги песен» (1827), цикл «Лирическое интермеццо», № 33). Стихотворение М. Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...» я считаю абсолютно самостоятельным стихотворением, даже шедевром, превзошедшим немецкий оригинал. «На севере диком стоит одиноко...» было написано на последнем году жизни, незадолго до гибели поэта в 1841 году. Оно и посвящено одиночеству творческого человека. Его душа – это одинокая русская душа северной сосны, лишь позволяющей себе мечтать о некой южной пальме. И все стихотворение гениально пронизано северной, снежной, сосновой, стоящей на одинокой вершине северной душе. Это – сссссс-самое северное стихотворение. Символ севера – снежное С. Слышно становится, как сыплется сверху снег. Зябко и одиноко.

*Ein Fichtenbaum
Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh!
Ihn schläfert, mit weisser Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.
Er träumt von einer Palme,
Die fern im Morgenland
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.*

Для понимания и сравнения приведем и подстрочник Гейне, сделанный с немецкого:

*Сосна стоит одиноко
На севере на холодной вершине.
Она дремлет, белым покрывалом
Окутывают её лёд и снег.
Она мечтает о пальме,
Которая далеко на востоке
Одиноко и молча печалится
На пылающей скале.*

А теперь не спеша вчитаемся в строчки самостоятельного стихотворения Михаила Лермонто-

ва, вольно изложившего нам замысел немецкого поэта

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей всё, что в пустыне далёкой –
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.*

Даже не так интересно, совпадает ли интонация и замысел оригинала любовной лирики Гейне с лермонтовской версией. Не будем принижать великого немецкого поэта, но у Лермонтова получился совсем иной вариант. Даже сюжет южной пальмы ушел куда-то на второй план. Да, мечтается северному русскому одинокому властелину, возвышающемуся над одноликой массой, о чем-то южном, теплом, согревающим, но никуда не уйти от своей вершины, не снять свою православную ризу, и даже от своего вечного северного одиночества. Не уйти от своего родного снежного Севера. Может быть, это сам Михаил Лермонтов мечтал о чем-то несбыточном, оставаясь в своей великой непостижимости.

Как мог двадцатилетний молодой поэт познать такие истины, которые неподвластны и старцам? Как и в случае со стихотворением «Смерть поэта», не один Михаил Лермонтов брался за перевод этого шедевра Гейне. Его переводили достойные великие русские поэты Федор Тютчев и Александр Фет. Прекрасные переводы, но созвучным и времени, и оригиналу, и замыслу оказался лишь лермонтовский текст. Впрочем, читайте сами.

Тютчев

*На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий, подъямлясь, белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.
Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдалённом востока
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и цветёт одиноко.*

Фет

*На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным и лдяным ковром.
Во сне ему видится пальма
В далёкой восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скале...*

И все же как стояла, так и стоит на севере диком гениальная и одинокая сосна Михаила Юрьевича Лермонтова. В конце девятнадцатого столетия к лермонтовской северной сосне добавилась еще и созвучная ей картина Ивана Ивановича Шишкина «На севере диком», написанная художником в 1890 году по мотивам стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сосна».

Так же, как и в стихотворении Лермонтова, в картине звучит тема одиночества. На голой скале, посреди льда и снега, стоит одинокая сосна. Луна освещает мрачное ущелье и какую-то бесконечную космическую, совсем не шишкинскую даль. Мистический космический поэт увлек художника, законченного реалиста, в свою романтическую глубину севера.

Насколько разные таланты у мистика и пророка Михаила Лермонтова и прозорливого реалиста Ивана Шишкина, но в этом случае они как-то

очень подошли друг другу. Даже не хочу этот стих признавать переводом. Гениальное вольное изложение лермонтовской северной концепции жизни. Впрочем, то же самое случилось с переводом гетевских «Горных вершин». Как нынче модно говорить: римейк. Вот уж верно сказано: «Глубокий и могучий дух... Каждое его слово – он сам, вся его натура – во всей глубине и целостности своей». За что ни возьмется, передает саму душу природы, душу края. И написана эта сосна уже незадолго до гибели поэта. Может, и снится до сих пор этой могучей сосне (а на немецком языке сосна мужского рода) стройная и дивная пальма?! Она торжественна, мужественна, красива, но она одна. Она на голой северной вершине, что само по себе наводит грусть. По сути, это предсмертное тоскливое одиночество, мужественное желание дойти в своей жизни до конца. Женственная грациозная пальма – это лишь несбыточная мечта о счастье. Да и не нужна северной громадной сосне южная стройная пальма. У каждого свой путь. Суровый русский северный путь.

Иллюстрации предоставлены автором

Владимир Григорьевич БОНДАРЕНКО

родился в 1946 году в Петрозаводске.

Начинал печататься в журнале «Север».

Работал в «Литературной России», в журналах «Слово»,

«Октябрь» и «Современная драматургия».

Автор 27 книг о литературе, искусстве, политике.

Один из ведущих критиков России,

публицист, редактор.

Живет в Москве.

